

Ю.Н. Есин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Минусинский научный историко-культурный центр, г. Минусинск, Россия*

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ САМУСЬСКОЙ И ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУР

Материалы открытого В.И. Матющенко в 1954 г. в Нижнем При- томье уникального поселения Самусь-4, основная часть кото- рых поступила на хранение в Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (колл. № 6720, 6750, 6794)¹, сыграли важную роль в истории изучения эпохи бронзы Запад- ной Сибири. Многие годы это поселение остаётся опорным памятником выделенной в 1964 г. М.Ф. Косаревым одноимённой археологической культуры. Однако его информационные возможности по-прежнему да- леко не исчерпаны, и при рассмотрении тех или иных актуальных во- просов возникает необходимость вновь возвращаться к анализу мате- риалов этого памятника. Один из таких вопросов – проблема соотноше- ния самусьской и окуневской культур.

После почти одновременного выделения самусьской культуры Томского Приобья и окуневской культуры Минусинской котловины многие исследователи стали сопоставлять их между собой. Однако ха- рактер и причины сходства, хронологическое соотношение оценива- лись по-разному. В частности, М.Ф. Косарев отмечал наличие близких черт в форме и декоре самусьской и окуневской керамики. Более того, среди материалов поселения Самусь-4 он считал возможным выделить небольшое число фрагментов сосудов окуневского облика, имеющих полные аналогии на Енисее. На основании данных фактов М.Ф. Коса- рева сделал вывод о полной или частичной синхронности двух куль- тур². При этом для датировки самусьской культуры он использовал найденные на Самусь-4 формы для отливки бронзовых орудий. Ис- ходя из аналогий этим изделиям в Турбинском и Сейминском мо- гильниках и учитывая время появления в Западной Сибири андро- новских памятников, дату самусьской культуры М.Ф. Косарев опре- делил XVI / XV – XIII вв. до н.э.³

¹ В «Книге № 8 поступлений МАЭС ТГУ: 6272/88 – 6818» и «Книге № 9 поступ- лений МАЭС ТГУ: 6819 – 7266» зарегистрирован ещё ряд коллекций с поселения Са- мусь-4: № 6728, 6836, 7053, 8075, 8091. Не исключено, что с этого памятника происхо- дят и те коллекции, которые в книгах отмечены как происходящие из пос. Самусь Том- ского района Томской области (прим. ред. коллегии).

² Косарев М.Ф. Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964. С. 160. Рис. 3, 1, 5; Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. С. 73.

³ Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. С. 105 – 106.

О сходстве самусьской и окуневской культур и наличии на поселении Самусь-4 керамики окуневского типа, возможно импортной, писал Г.А. Максименков⁴. Он выступал за полную синхронизацию самусьской культуры с окуневской и предлагал для неё датировку в рамках первой половины II тыс. до н.э.⁵ Эта идея была поддержана В.А. Посредниковым⁶. Г.А. Максименков, Э.Б. Вадецкая объясняли сходство двух культур общей неолитической основой и возможным приходом окуневцев в Минусинскую котловину с севера, из районов Приобья или Среднего Енисея⁷. Схема М.Ф. Косарева прямо противоположна: на его взгляд, часть окуневского населения в начальный период освоения им Верхнего Енисея продвинулась на север, в юго-восточное Приобье⁸.

Родственными и хронологически близкими считал эти две культуры и В.И. Матющенко. Нижнюю дату самусьской культуры он определял, опираясь на имевшуюся радиоуглеродную дату для одного из окуневских погребений, XVIII – XVII вв. до н.э.⁹ Признаки, объединяющие обе культуры, В.И. Матющенко объяснял тремя причинами: близостью в культуре населения Енисея и верховьев Оби в предшествующее неолитическое время (субстратная основа), общими южными влияниями, прямыми контактами окуневцев и самусьцев¹⁰. В культурном слое поселения Самусь-4 им было исследовано несколько ям с сосудами, которые он связывал с окуневской культурой, интерпретировал как погребения и датировал временем существования поселения самусьцев или чуть позже¹¹.

Однако гипотеза о прямых контактах между двумя культурами, появившаяся после открытия поселения Самусь-4, в дальнейшем стала оцениваться очень осторожно. Исследователи указывали на недостаточную её аргументированность, поскольку считали, что опубликованные В.И. Матющенко сосуды из погребений нельзя назвать окуневскими, реальное сходство культур относительно и условно, имеющиеся черты сходства свидетельствуют лишь об эпохальной близости и объясняются «не взаимовлиянием культур, а определённой общностью идей, возникающих в конвергентно развивающихся культурах, и, возможно, каким-то общим компонентом в происхождении»¹². Вместе с тем сама возможность контактов самусьцев с окуневцами, проживав-

⁴ Максименков Г.А. Критика некоторых современных представлений о неолите Западной Сибири // Изв. лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1967. Вып. 1. С. 145 – 146; Максименков Г.А. Окуневская культура и её соседи на Оби // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 172.

⁵ Максименков Г.А. Окуневская культура... С. 165 – 172.

⁶ Посредников В.А. О Самусь IV и его времени // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 108.

⁷ Максименков Г.А. Окуневская культура... С. 169; Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. С. 36.

⁸ Косарев М.Ф. Бронзовый век... С. 74.

⁹ Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2: Самусьская культура // ИИС. Томск, 1973. Вып. 10. С. 59.

¹⁰ Матющенко В.И. Древняя история населения лесного... С. 114, 122 – 124.

¹¹ Матющенко В.И. Окуневские комплексы на поселении Самусь IV // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 33 – 39.

¹² Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. С. 8, 10.

шими на северо-западной окраине Минусинской котловины, полностью не исключалась¹³.

Наиболее отчётливо сходство двух соседних сибирских культур прослеживалось в искусстве¹⁴. Методически верный подход к изучению соотношения самусьской и окуневской изобразительных традиций был предложен Н.В. Леонтьевым. В результате проведённого им типологического анализа окуневских антропоморфных изображений он выделил три хронологические группы: тасхазинскую (раннюю), черновскую (классическую), джойскую (финал окуневской изобразительной традиции)¹⁵. Сравнив иконографические особенности этих групп с известными ему рисунками на керамике поселения Самусь-4, Н.В. Леонтьев пришёл к выводу, что формирование самусьского стиля антропоморфных изображений осуществлялось при непосредственном взаимодействии с окуневской изобразительной традицией. Отмечены некоторые черты сходства как с черновской группой, так и с раннеокуневской. Однако в целом сделан вывод, что «самусьский комплекс антропоморфных изображений синхронен или даже несколько моложе черновской группы личин»¹⁶.

Несколько иначе к тому же вопросу подошёл И.В. Ковтун. В отличие от Н.В. Леонтьева, исходной точкой исследования у него стала хронология самусьского искусства, определяемая им XIV – XIII вв. до н.э. на основании гипотезы С.В. Кузьминых и Е.Н. Черных о соотношении самусьской и сейминско-турбинской металлургии. Изображения на керамике Самусь-4 И.В. Ковтун предлагает сравнивать с рисунками «поджарых» животных Минусинской котловины, которых противопоставляет «тучным» быкам и выделяет в разливскую культурно-хронологическую группу. Аргументируется это сравнение тем, что абрис корпуса «поджарых» быков «поразительно напоминает «угловатую» конфигурацию самусьских антропо- и зооморфных рисунков». Формирование самусьского искусства он связывает с проникновением в Томское Приобье разливского изобразительного канона¹⁷.

В связи с тем, что окуневское и самусьское искусство близки не только между собой, но обнаруживают аналогии в искусстве и мифологии народов Передней и Средней Азии, вполне логичным стало появле-

¹³ Гультов С.Б. Мариинская лесостепь и Назаровская котловина в эпоху бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 82; Бобров В.В. Культурная принадлежность и хронология памятников предандроновского времени и поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Там же. С. 70; Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура... С. 113.

¹⁴ Вадецкая Э.Б. О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений // СА. 1969. № 1. С. 270 – 274; Максименков Г.А. Окуневская культура... С. 172; Матюченко В.И. Древняя история населения лесного... 1973. С. 115 – 117; Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Сибирского региона (эпоха бронзы) // Первобытное искусство: Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 80 – 81 и др.

¹⁵ Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978. С. 89 – 97.

¹⁶ Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры... 1978. С. 98 – 99.

¹⁷ Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии (проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 99.

ние гипотезы, объясняющей сходство между данными сибирскими изобразительными традициями через общий юго-западный компонент, участвующий в сложении этих культур, которая впервые наиболее чётко была сформулирована В.В. Бобровым¹⁸.

Если Г.А. Максименков и В.А. Посредников на основании корреляции самусьских и окуневских материалов предлагали удревять самусьскую культуру до начала II тыс. до н.э., то в последующем на том же основании появилась гипотеза о необходимости омоложения нижней даты окуневской культуры до XVI / XV вв. до н.э.¹⁹ В.А. Семёнов, выделивший на материалах стоянки Тоора-даш два этапа развития окуневской культуры в Туве, синхронизировал с самусьской культурой только её второй этап, который определял серединой – третьей четвертью II тыс. до н.э.²⁰

Существует гипотеза, рассматривающая самусьскую металлообработку как постсейминскую и датирующая эту культуру XIV – XIII вв. до н.э.²¹ Однако, на наш взгляд, вопрос об облике и хронологии самусьской металлургии нельзя считать решённым. Наряду с гипотезой о её постсейминском характере имеются и другие подходы к определению места литейных форм с Самусь-4 в линии развития сейминско-турбинских бронз²². Поэтому опора лишь на ту или иную гипотезу о характере самусьской металлообработки и времени её появления для обоснования нижней даты поселения Самусь-4, самусьской культуры, искусства явно недостаточна.

С учётом этого дальнейшее изучение проблемы соотношения самусьской и окуневской культур приобретает особое значение. Роль такого сопоставления обусловлена тем, что в археологическом отношении Минусинская котловина является одним из наиболее изученных регионов Сибири, имеющим хорошо разработанную периодизацию, для различных её памятников за прошедшее время получена серия радиоуглеродных дат. Таким образом, решение вопроса о соотношении с окуневской культурой на новом уровне позволит получить альтернативную основу для определения хронологии самусьской.

¹⁸ Бобров В.В. К проблеме миграции европеоидного населения на территорию Южной Сибири в сейминскую эпоху // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 53 – 56; Есин Ю.Н. Биконические фигуры в древнем искусстве Сибири (по материалам самусьской и окуневской культур) // Междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово, 1999. Т. 1. С. 147.

¹⁹ Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. С. 73; Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура... С. 112; Бобров В.В. Кузнецко-салаирская горная область в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 28.

²⁰ Семёнов В.А. Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 156, 160.

²¹ Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Сейминско-турбинская и самусьская металлообработка: проблема соотношения // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 73; Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы... С. 141 – 142; Кирюшин Ю.Ф. О феномене сейминско-турбинских бронз и времени формирования культур ранней бронзы в Западной Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 69.

²² Косарев М.Ф. О хронологии и культурной принадлежности турбинско-сейминских бронз // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 116 – 132; Матющенко В.И. Древняя история населения лесного... С. 49 – 54.

С целью проведения более обстоятельного сравнительного анализа окуневского и самусьского искусства, выяснения вопроса о наличии окуневских материалов на поселении Самусь-4 нами было проведено дополнительное изучение археологических коллекций этого памятника. Наши наблюдения подтверждают мнение М.Ф. Косарева, Г.А. Максименкова, В.И. Матющенко о том, что среди материалов поселения Самусь-4 имеется небольшая группа керамики, декор которой отличается от обычного орнамента сосудов самусьской культуры, но при этом сопоставим с керамикой окуневской культуры Минусинской котловины. К этой группе керамики, прежде всего, относятся фрагменты сосудов, орнаментированные наклонными рядами овальных оттисков, которые полностью покрывали тулово сосуда (рис. 1, 1). Именно такой декор очень характерен для окуневских горшков²³. К этой же группе относится фрагмент сосуда, в верхней части которого нанесены овальные наколы, а ниже изображено «растение» (рис. 1, 3). Такая композиция («растение и дождь») известна по изображениям на плитах окуневского могильника Лебяжье²⁴, а также на фрагментах одного окуневского сосуда, обнаруженного на горе Чебаки в северо-западной части Минусинской котловины²⁵.

С окуневской керамикой сопоставимы также сосуды из погребений в культурном слое, отмеченные В.И. Матющенко. Один из них имеет декор в виде двух прочерченных линий в зоне венчика и одной в придонной части, а тулово сосуда заполнено вертикальными (слегка наклонными) рядами оттисков самусьского отступающего гребенчатого штампа. Такой орнамент как бы подражает окуневскому декору из наклонных рядов наколов, заполняющих большую часть горшка. У трёх других сосудов на тулове изображены треугольники вершиной вверх. Треугольники исполнены оттисками кончиком острой палочки, гусеничным штампом, оттисками округлой палочки. В качестве наиболее близкой аналогии одному из этих горшков (рис. 1, 4) с точки зрения композиции орнамента и техники его исполнения можно привести сосуд из окуневского могильника Парная (восточная часть Ачинско-Мариинской лесостепи), в среднем ярусе которого тоже имеются треугольники, а в зоне венчика и у дна – горизонтальные линии²⁶. На одном сосуде с Самусь-4 треугольники расположены в два яруса (рис. 1, 5). Ярусная компоновка треугольников имеется на сосуде из окуневского могильника Верхний Аскиз-1²⁷. Существенно, что количество треугольников на данных сосудах (10, 11, 13, 14) не соответствует классическим самусьским канонам количества структурных блоков на тулове, но обнаруживает аналогии в окуневском искусстве²⁸. Помимо описан-

²³ Gotlib A.I. Bronzezeitliche Bergfestungen («sve») in Chakassien // Eurasia Antiqua. 1999. В. 5. 1999. Abb. 17, 10.

²⁴ Леонтьев Н.В. К вопросу о земледелии у племён окуневской культуры и его отражение в искусстве // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 29 – 32.

²⁵ Gotlib A.I. Bronzezeitliche Bergfestungen... Abb. 20, 10.

²⁶ Савинов Д.Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. Рис. 4, 1.

²⁷ Ковалёв А.А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. СПб., 1997. Табл. XII, 4.

²⁸ Леонтьев Н.В. Сакральные календарные мотивы в окуневском искусстве // Междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово, 2000. Т. 2. С. 143 – 149.

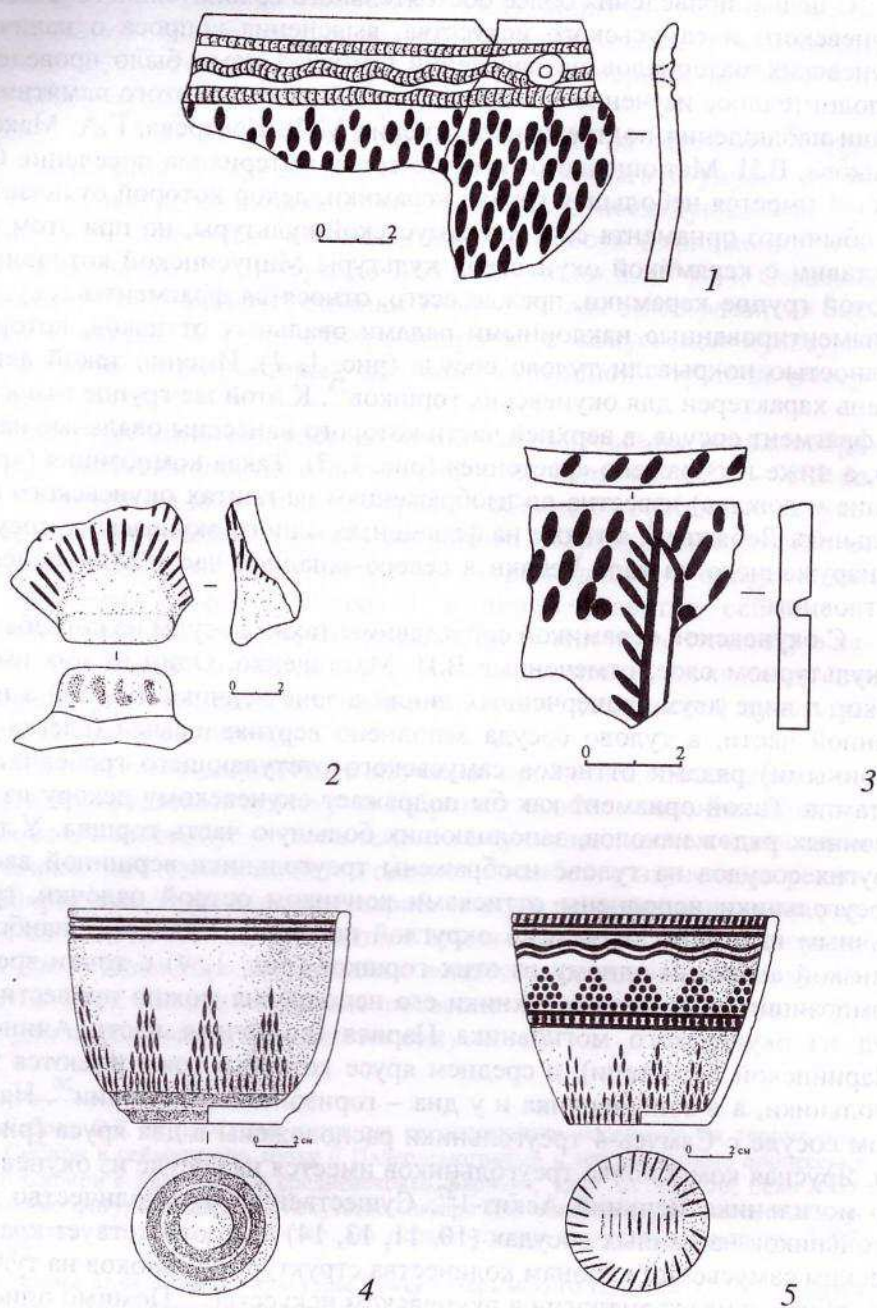

Рис. 1. Некоторые керамические материалы поселения Самусь-4, сопоставимые с керамикой окуневской археологической культуры: 1 – фонды ТОКМ, колл. № 3410-2005; 2 – фонды МАЭС ТГУ, колл. № 6750-2350; 3 – фонды ТОКМ, колл. № 3410-1752; 4, 5 – фонды МАЭС ТГУ, квадраты 170 – 171, № 180, 900

ных целых сосудов, в коллекции с поселения Самусь-4 имеется небольшое число фрагментов керамики, орнаментированных такими же треугольниками, в том числе расположенными ярусно. Близок окуневской традиции декор на днищах этих горшков. Многочисленные аналогии в окуневских материалах находит и техника нанесения орнамента (наколы палочкой, оттиски гусеничного штампа).

Вместе с тем некоторые изобразительные элементы, включённые в декор данных сосудов, имеют аналогии в самусьской изобразительной системе. Это, в частности, относится к изображению из двух горизонтальных линий, между которыми нанесена волнистая (рис. 1, 1): такая композиция типична для венчика самусьских сосудов, показательна и самусьская техника её исполнения отступающей лопаткой. Для самусьского декора очень характерно также изображение в виде горизонтальной «лесенки», которое имеется на сосуде с ярусным расположением треугольников. На безусловно самусьской керамике порой встречаются и треугольники из овальных оттисков кончиком палочки²⁹. Таким образом, орнамент рассмотренных сосудов демонстрирует аналогии и в окуневской культуре, и в самусьской культуре, вероятно, отражая взаимовлияние различных традиций.

Особое значение для изучаемой темы имеют найденные на поселении Самусь-4 фрагменты одного сосуда с рисунками лучистого лика (рис. 2, 1, 2). Данный лик, вероятно, был частью более сложного изображения, которое не сохранилось. Антропоморфные образы с лучами вокруг головы встречаются в различных районах Азии³⁰, однако такие элементы, как вертикальная черта на лбу и поперечная линия между глазами и ртом, находят аналогии лишь в окуневском искусстве Минусинской котловины и Горного Алтая (рис. 2, 3, 4). В Минусинской котловине лики с такими стилистическими особенностями относятся к тасхазинской группе антропоморфных изображений³¹. Погребения, в которых встречаются плиты с рисунками тасхазинской группы, по своей конструкции, инвентарю и другим особенностям отличаются от памятников типа Черновая-8, в которых встречаются изображения, выделенные в черновскую группу. Случаи стратиграфического соотношения указанных типов памятников свидетельствуют о более молодом возрасте последних³². Помимо этого раннеокуневский возраст ликов с интересующими нас стилистическими признаками подтверждается рядом случаев, когда плиты с такими рисунками переиспользованы для создания изображений черновской группы (рис. 2, 5)³³.

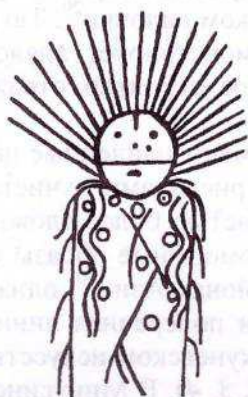
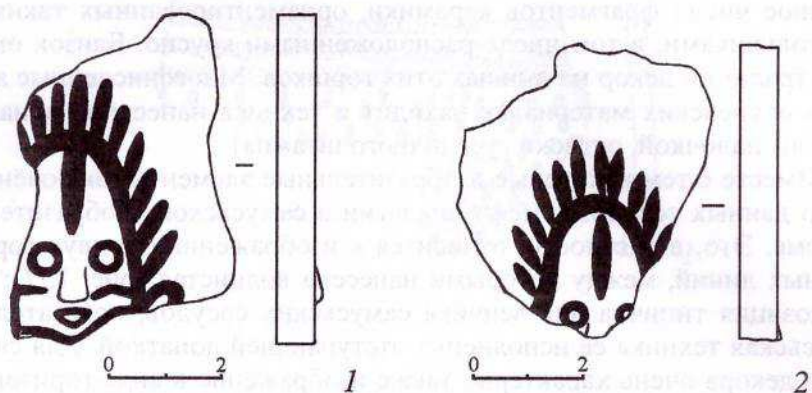
²⁹ *Есин Ю.Н.* Семантика декора на сосудах самусьской культуры // Древности Алтая (Горно-Алтайск). 2001. № 7. Табл. 1, II, 26.

³⁰ *Матющенко В.И.* Древняя история населения лесного... С. 119.

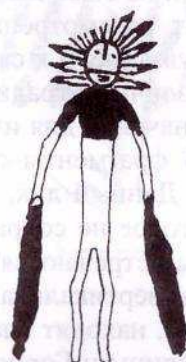
³¹ *Леонтьев Н.В.* Антропоморфные изображения окуневской культуры... 1978. С. 89 – 91.

³² *Лазаретов И.П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 36 – 37.

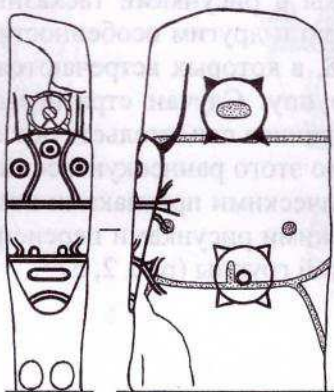
³³ *Есин Ю.Н.* Изваяние из с. Верхний Аскиз и проблема хронологии окуневского искусства // Вест. Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (Кемерово). 2000. № 3. С. 18 – 20; *Лазаретов И.П.* Окуневские могильники... С. 35.

3

4

5

Рис. 2. Изображения лика с лучами на керамике поселения Самусь-4 и некоторые аналоги:

1, 2 – поселение Самусь-4 (фонды МАЭС ТГУ, квадрат 355, № 224; квадрат 194, № 186);
 3 – Минусинская котловина, ул. Онхаков, изображение на каменной стеле (по: Вадецкая Э.Б., 1980. Рис. 32); 4 – Горный Алтай, Каракол, изображение на плите из погребения (по: Кубарев В.Д., 1988. Табл. XIII, 2); 5 – Минусинская котловина, с. Верхний Аскиз, каменное изваяние (прорисовка Ю.Н. Есина)

Радиоуглеродная дата образца органики из кургана 1 могильника Уйбат-5, который относится к начальному этапу окуневской культуры и в погребениях которого обнаружены плиты с антропоморфными изображениями раннеокуневского облика, определяется 1880 ± 25 г. до н.э. (при калибровке – 2335 – 2190 гг. до н.э.)³⁴. С учётом этого время существования раннеокуневского (тасхазинского) изобразительного стиля в Минусинской котловине, вероятно, следует относить к первой трети II тыс. до н.э., поскольку, судя по имеющимся радиоуглеродным датам для погребальных памятников типа Черновая-8³⁵, нижняя дата черновской группы изображений может быть отнесена к XVII в. до н.э. (при калибровке – XXI – XX вв. до н.э.).

Сам факт изображения лика с лучами на фрагментах сосуда с поселения Самусь-4 можно соотнести с присутствием подобного образа на окуневском горшке из устья р. Аскиз в Минусинской котловине³⁶. Имеются сведения о случайной находке в районе с. Лебяжье фрагмента окуневского сосуда, в приустьевой зоне которого были нанесены самостоятельные изображения антропоморфных ликов с лучами (сообщение краеведа В.Л. Вавиленко из с. Краснотуранск). От рисунков Минусинской котловины изображение из Самусь-4 отличается некоторыми деталями. Так, у него показан реалистичный рельефный нос, что для антропоморфных ликов раннеокуневской группы не свойственно, хотя встречается у ликов на изваяниях и некоторых других изображениях, связанных с кругом памятников типа Черновая-8. Данная деталь рассматриваемого образа могла появиться под влиянием самусьской изобразительной традиции, поскольку наклепной нос является характерной чертой самусьских антропоморфных ликов³⁷. По причине наличия рельефного носа поперечная линия в середине оказалась разорвана, что также имеет аналогии у других ликов на керамике поселения Самусь-4³⁸. Разорванная в середине линия, но без рельефного носа встречена и у нарисованного охрой раннеокуневского изображения с р. Кантегир³⁹. Если лики с лучами из Минусинской котловины имеют округлую форму, то у данного рисунка верхняя часть контура представляет собой полуовал. Это тоже может являться следствием влияния самусьской изобразительной традиции, для которой знак в виде полуовала имел важное значение⁴⁰. Заслуживает внимания и тот факт, что глаза лика изображены контуром (возможно, это оттиски трубчатой кости). Контурный показ глаз является характерной стилистической особенностью окуневского искусства Минусинской котловины, но не раннего этапа, а черновской группы. Контурные рисунки глаз обычны и для самусьских изображений из Нижнего Притомья. Таким образом, рассмотренный лик передаёт окуневский иконографический канон, но испытавший воздействие самусьской изобразительной традиции.

³⁴ Лазаретов И.П. Окуневские могильники... С. 40.

³⁵ Görtsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leontev N. Neue ¹⁴C-Datierungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // Eurasia Antiqua. 1998. В. 4. S. 75.

³⁶ Паульс Е.Д. Два окуневских памятника на юге Хакасии // Окуневский сборник. СПб., 1997. Рис. 4.

³⁷ Есин Ю.Н. Семантика декора... С. 39.

³⁸ Там же. Рис. 9.

³⁹ Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986. Рис. 146, 4.

⁴⁰ Есин Ю.Н. Семантика декора... Табл. 1, I, 7.

С материалами окуневской культуры сопоставим также происходящий с поселения Самусь-4 фрагмент небольшого сосуда типа окуневской курильницы с ручкой, орнаментированный оттисками гладкого штампа (рис. 1, 2). Ранее он рассматривался как часть тигля⁴¹, однако признаки плавки металла в нём отсутствуют, других фрагментов тиглей с подобными ручками на Самусь-4 не найдено, а у льячек – ручки другой формы и расположены вертикально. Биконические сосуды, близкие по форме окуневским курильницам, известны и в самусьской культуре, однако ручки у них принципиально другие: они располагались вертикально и имели форму дуги, соединяющей чашу и поддон. Не характерен для самусьского декора, но обычен для окуневского и орнамент рассматриваемого фрагмента. У окуневских курильниц ручка встречается очень редко: фрагмент курильницы с ручкой найден в окуневском сооружении на горе Чебаки⁴², ручки показаны у некоторых окуневских изображений этого сосуда с р. Уйбат (рис. 3, 24). Кроме того, можно отметить находку курильницы с ручкой в ограде 2 могильника Камышта, погребальный обряд которой сопоставим с ранним окуневским могильником Тас-Хазаа, фиксирующим контакты окуневского и афанасьевского населения⁴³. С учётом таких контактов не исключено, что ручки у окуневских курильниц могут быть следствием афанасьевского влияния, поскольку для афанасьевских курильниц они практически обязательны. Радиоуглеродный анализ органики из окуневского слоя на горе Чебаки дал дату 1667±37 г. до н.э. (при калибровке – 2040 – 1910 гг. до н.э.)⁴⁴. Эта дата позволяет сделать вывод, что ритуальное использование горы началось не позднее начала черновского этапа окуневской культуры. С этим же временем, видимо, связано изображение курильницы с ручкой из насыпи кургана 1 могильника Уйбат-5 (рис. 3, 24), так как сверху у неё показаны треугольник и знаки в виде линии с овалом на вершине, сопоставимые с изображениями в наголовье некоторых ликов черновской группы окуневского искусства⁴⁵. Следовательно, вероятное время существования окуневских курильниц с ручкой можно определить тасхазинским этапом окуневской культуры и началом черновского.

Аналогии в окуневском искусстве имеют многие образы самусьского декора, их структурная основа и иконографические элементы. Например, среди изображений на керамике с поселения Самусь-4 следует обратить внимание на яйцевидный лик с волнистой чертой на вершине. Благодаря своей форме и местонахождению волнистой линии он сопоставим с центральным ликом окуневских изваяний. Прочерченные в верхней и нижней половине этого образа символы в виде линий с точками на конце выполняют ту же функцию, что бычьи рога и другие детали окуневских изображений (рис. 3, 1, 2). То есть типичный для окуневского искусства образ «записан» знаками самусьской изобразительной системы.

⁴¹ Матющенко В.И. Древняя история населения лесного... С. 27.

⁴² Gotlib A.I. Bronzezeitliche Bergfestungen... Abb. 21, 6.

⁴³ Хлобыстина М.Д. Культура раннескотоводческих племён бассейна Абакана // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 37.

⁴⁴ Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leontev N. Neue ¹⁴C-Datierungen für die Sibirische Steppe... S. 75.

⁴⁵ Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. Рис. 7, 7, 10, 11.

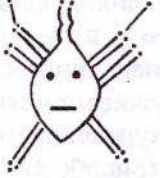

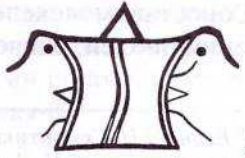
Самусь IV	Минусинская котловина
 <p style="text-align: right;">1</p>	 <p style="text-align: right;">2</p>
 <p style="text-align: right;">3</p>	 <p style="text-align: right;">4 5 6</p>
 <p style="text-align: right;">7</p>	 <p style="text-align: right;">8 9</p>
  <p style="text-align: right;">10 11</p>	 <p style="text-align: right;">12 13 14 15</p> <p style="text-align: right;">16 17</p>
  <p style="text-align: right;">18 19</p>	 <p style="text-align: right;">20 21</p>
  <p style="text-align: right;">22 23</p>	 <p style="text-align: right;">24 25</p>

Рис. 3. Аналогии между некоторыми образами и иконографическими элементами самусьского и окуневского искусства:

1, 3, 7, 10, 11, 18, 19, 22, 23 – поселение Самусь-4 (1 – по: Матющенко В.И., 1973. Рис. 63, 5; остальные – прорисовки Ю.Н. Есина (фонды МАЭС ТГУ): 3 – колл. № 6794-2629, 7 – без колл. шифра; 10 – шифр «Н-зачистка-5-296»; 18 – шифр «206-148», 19 – шифр «01-20» (18 и 19 от того же сосуда, что на рис. 3, 1); 22 – без колл. шифра; 23 – шифр «СОАЭ-72, кв. 267, шт. 1, 3»);

2, 4 – 6, 8, 9, 12 – 17, 20, 21, 24, 25 – Минусинская котловина (2, 5, 6, 12 – 14, 21 – по: Вадецкая Э.Б., 1980. Рис. 28, 33, 111, 114, 117, 122; 4, 20 – по: Леонтьев Н.В., 1978. Рис. 6; 12, 4: 8 – изображение лика на миниатюрном изваянии из д. Устинкино, прорисовка Ю.Н. Есина; 9 – по: Кызласов Л.Р., 1992. Рис. 3; 15 – по: Леонтьев Н.В., 2000. Рис. 1, 5); 24 – по: Лазаретов И.П., 1997. Табл. XI, 6; 25 – изображение на стеле с оз. Шира, прорисовка Ю.Н. Есина

Широко известен рисунок антропоморфного лика, прочерченный на днище одного из самусьских сосудов, у которого имеется горизонтальная линия между глазами и ртом, вертикальная линия с дугой на вершине на месте носа. Данный образ тоже обнаруживает чёткие аналогии среди одного из изобразительных канонов окуневского искусства, связанных с кругом памятников типа Черновая-8 (рис. 3, 3 – б). Он сопоставим с группой окуневских рисунков, в основе структуры которых деление лика на две зоны по вертикали, соотносимые с небом и землёй, и изображение на месте носа символа космического столпа, в наиболее простом варианте переданного простой вертикальной линией⁴⁶. Правда, на вершине «носа» окуневцы чаще изображали символ неба в виде кружка, а не дуги. Однако такой же знак столпа, но уже с дугой на вершине встречается в наголовье окуневских ликов.

Окуневскому изображению столпа с кружком на вершине очень близки знаки самусьского искусства в виде кружка, расположенного на вершине вертикальной черты (обычно удвоенной или утроенной), дополнительным элементом которых являются расположенные по бокам кружка и направленные вниз линии (рис. 3, 10 – 17). Самусьские изображения, которые объяснялись как рисунки головы или маски животного с ушами⁴⁷, являются вариантом так называемых «сердцевидных» ликов (рис. 3, 7 – 9). Также с окуневскими изображениями черновского круга сопоставимы самусьские лики, имеющие двух- или трёхчастное вертикальное членение, изображения которых, к сожалению, в основном фрагментарны⁴⁸. Для самусьского искусства, как и для окуневского черновской группы, характерны трёхлучевое наголовье антропоморфных фигур, а также выгнутая вниз дуга на его вершине⁴⁹. Аналогии в окуневском искусстве обнаруживает треугольный головной убор одного из самусьских ликов⁵⁰. Н.В. Леонтьевым отмечено композиционное сходство чёрточек по бокам некоторых самусьских ликов с подобными элементами у некоторых раннеокуневских антропоморфных образов⁵¹.

Полувалу, который в самусьском искусстве изображался самостоятельно либо над антропоморфными фигурами, символизируя небесный свод⁵², соответствуют аналогичные знаки на стенках двух окуневских «курильниц» (обе из северо-западных районов распространения окуневской культуры)⁵³, знак на голове некоторых окуневских персонажей, форма ряда каменных плит, на которые нанесены окуневские образы⁵⁴.

Сопоставим «скелетный» стиль и «отсечённость» головы в изображении людей, животных и птиц. Одинаковые поперечные линии

⁴⁶ Есин Ю.Н. Семантика декора... 2001. С. 51.

⁴⁷ Матющенко В.И. Древняя история населения лесного... С. 99.

⁴⁸ Есин Ю.Н. Семантика декора... Табл. 1, IIIc, 4 – 6.

⁴⁹ Там же. Табл. 1, IIIa, 22, 23, IIIb, 5 – 9; Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры... Табл. LII, 113 и др.

⁵⁰ Есин Ю.Н. Семантика декора... Табл. 1, II, 20; Леонтьев Н.В. Образ мировой горы в памятниках искусства окуневской культуры // Гуманитарные науки в Сибири (Новосибирск). 2000. № 3. Рис. 1, 1, 2.

⁵¹ Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры... С. 98.

⁵² Есин Ю.Н. Семантика декора... С. 41.

⁵³ Бобров В.В. Кузнецко-салаирская горная область... 1992. С. 12; Gotlib A.I. Bronzezeitliche Bergfestungen... Abb. 21, 7.

⁵⁴ Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. Рис. 97.

часто имеются не только у самусьских и окуневских ликов, но и на голове животных и птиц (рис. 3, 18 – 21). Обнаруживают аналогии биконические фигуры обеих традиций (рис. 3, 22 – 25).

Сравнение «угловатой» конфигурации самусьских антропо- и зооморфных рисунков с абрисом корпуса «поджарых» животных разливского стиля, предложенное И.В. Ковтуном, на наш взгляд, не может быть принято. «Угловатые» очертания самусьских антропоморфных фигур связаны с тем, что в их основу положены две пары противопоставленных дуг. Такую иконографию нельзя вывести из разливского стиля, она, видимо, восходит не к нему, а к битреугольному стилю, широко распространённому в передне-среднеазиатском регионе⁵⁵. Сравнение корпуса «поджарых» животных с самусьскими зооморфными изображениями вообще проблематично, так как последние представлены лишь рисунками головы лошади без тулова (рис. 4). Образ лошадиной головы и стиль её передачи на сосудах Самусь-4 (вертикально стоящая высокая грива, торчащие уши), несмотря на иную технику исполнения изображений, наиболее близок каменным жезлам в виде реалистичной, объёмно моделированной головы лошади из числа случайных находок в Прииртышье, фигуре лошади на рукояти бронзового ножа из могильника Ростовка, изображениям этого животного в петроглифах эпохи бронзы Восточного Казахстана. В связи с этим нельзя согласиться с выводом о формировании самусьского искусства вследствие проникновения в Томское Приобье разливского изобразительного канона. Само выделение разливского канона в отдельную культурно-хронологическую группу, на наш взгляд, также неоправданно. При анализе окуневского искусства как изобразительной системы «тучные» и «поджарые» животные являются различными иконографическими канонами в рамках одной культурно-хронологической группы, связанной с кругом памятников типа Черновая-8. Различия между ними объясняются семантикой образов, не учитывавшейся И.В. Ковтуном⁵⁶.

Помимо декора, на керамике отметим также одно скульптурное изображение, которое по технике исполнения и композиции значительно отличается от остальных найденных на поселении антропоморфных фигур из камня, но сопоставимо с окуневским искусством. Это небольшая сланцевая плитка, в средней части которой рельефно показан реалистичный антропоморфный лик⁵⁷. Такая композиция очень напоминает окуневские изваяния, важнейший образ которых высекался именно в средней части узкой грани камня. Другие каменные изображения с Самусь-4 выполнены в технике контррельефа, а лик расположен в верхней части предмета. Окуневские изваяния, с которыми сопоставима плитка из Самусь-4, синхронна памятникам типа Черновая-8.

⁵⁵ Глушков И.Г. Иконографические особенности некоторых самусьских изображений человека // Первобытное искусство: Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 91; Есин Ю.Н. Биконические фигуры в древнем искусстве... С. 147.

⁵⁶ Пяткин Б.Н. Вклад М.П. Грязнова в изучение окуневского искусства в свете современного состояния проблемы // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 83 – 87; Леонтьев Н.В. Образ мировой горы... С. 33 – 34; Есин Ю.Н. Изваяние из с. Верхний Аскиз... С. 21.

⁵⁷ Матющенко В.И. Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. Рис. 5, 7; Боброва А.И. Поселение Самусь IV (материалы к каталогу археологических коллекций Томского областного краеведческого музея) // Тр. Музея г. Северска. Томск, 2000. Вып. 1. Рис. 3, 2.

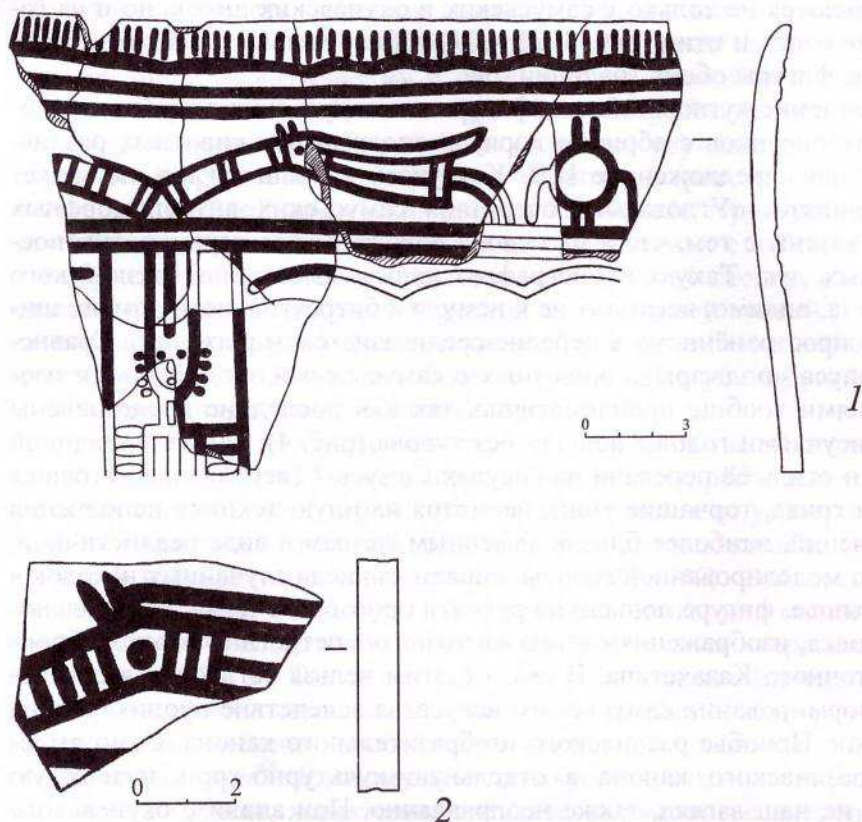

Рис. 4. Фрагменты сосудов поселения Самусь-4 с рисунками голов лошади.
 Фонды МАЭС ТГУ: 1 – шифры «Н-04-103», «Н-205», «Н-206»; 2 – № Н-7071

В целом проведённое сравнение свидетельствует о близости знаковой основы самусьского и окуневского искусства, родстве этих изобразительных традиций, так как начертание ряда знаков и их позиция в структуре «текстов» совпадают. При этом и окуневская, и самусьская знаковые системы вполне самостоятельны, друг из друга не выводятся. Такого рода сходство может объясняться их появлением в Сибири в результате миграции с юго-запада групп населения, связанных с одним культурным кругом. Вместе с тем ряд изображений с Самусь-4, видимо, фиксируют влияние окуневского искусства, что могло произойти в ходе контактов носителей двух археологических культур.

Изображение лика с лучами на фрагментах сосуда с поселения Самусь-4, исходя из окуневских аналогий его стилистическим особенностям, не может быть датировано позднее первой половины II тыс. до н.э. На это же время указывает фрагмент курильницы с ручкой. Поэтому нижний рубеж самусьской культуры можно синхронизировать с концом тасхазинского – началом черновского этапов окуневской культуры. Следовательно, в вопросе о хронологии самусьской культуры следует отказаться от гипотезы, предлагающей датировку в рамках XIV – XIII вв. до н.э. При определении нижнего рубежа самусьской культуры

культуры в абсолютных датах, если опираться на полученные в последнее время радиоуглеродные даты окуневских памятников, есть основания вернуться к тому, который в своё время был предложен В.И. Матющенко – XVIII / XVII вв. до н.э. Основная часть аналогий между самусьским и окуневским искусством соотносится с черновской группой окуневских изображений. Могильник Верхний Аскиз-1, где имеется сосуд с треугольниками на тулове, сопоставимый с сосудами из погребений на Самусь-4, по характеру погребального обряда, изображениям на плитах, орнаментации керамики тоже может датироваться в рамках развитого (черновского) этапа окуневской культуры. Таким образом, основное время существования самусьской культуры синхронизируется с развитым этапом окуневской.

Дополнительным аргументом отнесения нижней даты самусьской культуры ко второй четверти II тыс. н.э. может являться характер соотношения самусьской культуры с гребенчатой керамикой степановского типа. Время существования последней определяется первой четвертью – серединой II тыс. н.э.⁵⁸ В 1980-х гг., исходя из технологических различий, была сформулирована гипотеза о одновременности этих комплексов⁵⁹. Однако в ходе дополнительных полевых исследований на поселении Самусь-4 Е.А. Васильевым установлена синхронность самусьских и степановских материалов этого памятника⁶⁰. В связи с этим, видимо, не случаен и тот факт, что отпечатки отступающей гребёнки часто встречаются на самусьских сосудах⁶¹.

Небольшой комплекс керамики Самусь-4, сопоставимый с окуневской археологической культурой, как было отмечено выше, по своим признакам не является чисто окуневским, имеет синкретичный самусьско-окуневский облик. Вероятно, его происхождение связано с контактной зоной окуневской и самусьской культур. Контакты эти могли происходить в восточной части Ачинско-Мариинской лесостепи – ближе к основной территории распространения окуневской культуры. Например, возможные свидетельства взаимовлияния двух культур обнаруживаются на поселении Ашпыл⁶².

Тем не менее материалы поселения Самусь-4, а именно исследованные здесь погребения, на наш взгляд, не исключают полностью и того, что сами окуневцы, проживавшие в контактной зоне, могли посещать Нижнее Притомье, как предполагал В.И. Матющенко. Одна из причин этого могла быть связана с характером поселения Самусь-4, которое, судя по его особенностям (отсутствие долговременных жилищ, большое число самусьской керамики ритуальной группы, отсутствие бронзолитейных мастерских при обилии следов бронзолитейного производства и др.), может интерпретироваться как культовый центр, место проведения каких-то сезонных обрядов, в которых принимало участие население, связанное с различными археологическими культурами⁶³.

⁵⁸ *Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.* Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 159.

⁵⁹ *Молодин В.И., Глушков И.Г.* Самусьская культура... С. 106 – 107.

⁶⁰ *Васильев Е.А.* Феномен поселения Самусь IV в самусьской культуре // Про странство культуры в археолого-этнографическом измерении. Томск, 2001. С. 26.

⁶¹ *Есин Ю.Н.* Семантика декора... Рис. 12.

⁶² *Гультов С.Б.* Мариинская лесостепь и Назаровская котловина... С. 82.

⁶³ *Васильев Е.А.* Феномен поселения... С. 24 – 26.

Другой причиной, способной привести к появлению части сопоставимых с окуневской культурой материалов на поселении Самусь-4, явилось расселение андроновцев. В частности, треугольники, подобные тем, что нанесены на тулово сосудов из выявленных В.И. Матющенко погребений, для декора окуневской керамики в целом не характерны. По мнению Д.Г. Савинова, вероятная причина появления такого декора у окуневского сосуда из могильника Парная – влияние орнаментальных традиций андроновской культурной общности⁶⁴. В связи с этим следует отметить декоративные схемы с использованием треугольников на керамике территориально близкого к Самусь-4 Томского могильника на Малом мысе и ранних погребениях Еловского-2 могильника⁶⁵. У одного из сосудов Еловского-2 могильника, как и у приведённого сосуда с Самусь-4 (рис. 1, 4), в придонной части имеются два широких желобка. Более того, над желобками нанесены треугольники, которые, хотя и обычны для этой части андроновских сосудов, но выполнены наколами⁶⁶. Стратиграфия исследованных В.И. Матющенко на Самусь-4 погребений тоже свидетельствует в пользу поздней их даты, так как сооружены они в уже отложившемся самусьском культурном слое. Таким образом, появление данных погребений на территории поселения могло быть связано с миграцией небольшой группы окуневского населения, вынужденной отойти на север под давлением андроновцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров В.В.* Культурная принадлежность и хронология памятников предандроновского времени и поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 68 – 71.
- Бобров В.В.* Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 51 с.
- Бобров В.В.* К проблеме миграции европеоидного населения на территорию Южной Сибири в сейминскую эпоху // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 53 – 56.
- Боброва А.И.* Поселение Самусь IV (материалы к каталогу археологических коллекций Томского областного краеведческого музея) // Тр. Музея г. Северска. Томск, 2000. Вып. 1. С. 19 – 31.
- Вадецкая Э.Б.* О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений // СА. 1969. № 1. С. 270 – 274.
- Вадецкая Э.Б.* Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 37 – 87.
- Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Васильев Е.А.* Феномен поселения Самусь IV в самусьской культуре // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 24 – 26.
- Глушков И.Г.* Иконографические особенности некоторых самусьских изображений человека // Первобытное искусство: Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 89 – 95.
- Гултов С.Б.* Мариинская лесостепь и Назаровская котловина в эпоху бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 81 – 83.
- Есин Ю.Н.* Биконические фигуры в древнем искусстве Сибири (по материалам самусьской и окуневской культур) // Междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово, 1999. Т. 1. С. 139 – 147.

⁶⁴ *Савинов Д.Г.* Окуневские могилы... С. 115.

⁶⁵ *Косарев М.Ф.* Бронзовый век... Рис. 42, 9, 10; 44, 2.

⁶⁶ Там же. Рис. 45, 6.